

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 355 486 (470)
ББК 68.54(2 Росс).

В.Г. Данченко

ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ «МОРСКИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ» ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДОЙ В РОССИИ В 30-е гг. XVIII в.

Статья освещает неизвестные аспекты истории русского морского мундира в период правления императрицы Анны Иоанновны. Выясняется, что реальная практика изготовления и выдачи форменного платья нижним чинам русского флота значительно отличалась от установленных норм и образцов.

Ключевые слова:

вещевая табель, интендант, матрос, морской госпиталь, мундир, обмундирование, подряд, Северная война, снабжение, флот, флотский регламент.

Вид обмундирования служивших на российском флоте при Петре I и его преемниках в целом известен хуже, чем форменный костюм гвардейских и армейских чинов того времени. Казалось бы, матросов и офицеров в морских подразделениях было сравнительно немного и их военное платье должно быть хорошо представлено в различных бумагах того времени, тем более, что оно отчетливо просматривается в официальных документах, начиная от Высочайших указов и инструкций Адмиралтейств-коллегии и заканчивая решениями Военской морской Комиссии 1732 г. Более того, анонимным автором во второй половине XIX в. было составлено «Описание форм обмундирования чинов русского флота», в котором приведен основательный массив источников, подробно описывающих форму одежды военных моряков с петровских времен до правления Александра II, включая, естественно, и царствование Анны Иоанновны. На основе этой работы написано обширное сочинение, не использовавшее по интересующей нас эпохе новых материалов [2]; других исследований на эту тему нет.

Однако реальная практика обеспечения «морских служителей» вещевыми «припасами» была такова, что предписания царственных особ и руководителей военно-морского ведомства существенно корректировались, причем самым нежиданным, даже причудливым образом.

Во многом это связано с тем, что при Петре основное внимание уделялось «корабельному строению», тогда как вещевое снабжение отходило на задний план, и внешний вид матросов хотя и унифицировался, но, что называется, по остаточному принципу: шла затяжная Северная война, и необходимых средств и возможностей не хватало. Кроме того, именно заботы по «заготовлению» и пошиву морского платья нередко перекладывались на плечи Главного комиссариата, который, в первую очередь, должен был заботиться о снабжении сухопутных частей. Если к этому прибавить издержки работы интендантских структур и мздоимство, а также не вполне отработанный механизм заключения подрядов на доставку сукна или готового платья, то становится понятным, почему иногда командиры кораблей, судов или морской пехоты жаловались, что их подчиненные «наги и босы». Так бывало не всегда, но и нередко.

Со временем, когда война подошла к концу, положение, с мундирным довольствием стало несколько выправляться, однако и тогда, и в дальнейшем проблемы в этой сфере не решались в должной мере. Очевидно, что подобные нюансы чаще всего не находили отражения в официальных бумагах Адмиралтейств-коллегии и уж тем более в Высочайших Указах, поэтому для

полного по возможности представления о форме военных моряков первой трети XVIII в. важны документы, которые находятся не только в Государственном архиве военно-морского флота, но и в других хранилищах.

Актуальность данной статьи состоит, прежде всего, в том, что она вводит в оборот новые источники по данной малоизученной проблематике. Предлагаемые материалы касаются флотской форменной одежды времен Анны Иоанновны, когда в этой сфере намечались или реально происходили определенные перемены, во многом двойственного характера.

В конце первой четверти XVIII в. на русском флоте в основе своей сохранялся мундирный «строй», который начал формироваться еще в самом начале века, но существенно не менялся. Более того, матросский комплект стал выдаваться в обязательном порядке и солдатам морской пехоты, нередко выполнявшим функции гребцов и корабельных чинов.

Этот комплект включал бостроки (короткие матросские куртки), канифасные, тиковые, сермяжные, штаны с портами, чулки, галстуки, сермяжные и «цветные» кафтаны, шапки, шляпы, рукавицы и шубы, сапоги и башмаки.

В начале 30-х гг. гардероб «морских служителей» несколько осудел, что было связано с деятельностью Военской морской комиссии 1732–1738 гг. Среди многочисленных вопросов, которыми она занималась, был и «мундирный». Общая тональность большей части решений этой Комиссии заключалась в экономии средств на флотские нужды и, прежде всего, в сокращении расходов на вещевые и «иные припасы» для личного состава. Естественно, это должно было отразиться и на мундирном «строении» как в отношении объема материалов для пошива форменного платья, так и в количестве мундирных предметов. Согласно Высочайше утвержденному докладу Сената от 3 июля 1732 г., морским служителям полагались 2 пары рубах с портами, 2 галстука, 2 пары чулок, бострок тиковый, матросский кафтан, штаны из канифаса, 1 матросская вязанная шляпа [3, с. 6–8].

Сроки использования некоторых из этих предметов увеличивались: например, шляпа должна была носиться не 2 года, как раньше, а 3. Кроме того, на пошив перечисленных вещей отпускалось теперь заметно меньшее количество ткани, а часть флотских подразделений вообще лишаласьгоды.

Однако с учетом того, что мундирным снабжением занималось несколько структур и должностных лиц, а утвержденный морской комиссией Комиссариат, которому и суждено было все это решать, еще не набрал должной административной силы, в мундирной сфере военно-морских сил того времени одновременно существовали как традиции петровской эпохи, так и новые тенденции, определенные Табелью 1732 г. В результате флотские чины далеко не всегда носили установленное для них платье, а нередко вообще одевали то, что имелось в наличии в данный момент, несмотря на фасон пошива. С одной стороны, морские обер-офицеры получили, наконец, регламентированный мундир, но с другой, – облик унтеров и рядовых отличался известным разнообразием, что вообще было характерно для тех, кто тогда носил форменный костюм (независимо от рода войск). На флоте в силу известных причин это было более заметно.

Изменения гардероба «морских служителей» происходили не в одночасье, в результате чего нижним чинам приходилось в течение ряда лет довольствоваться запасами «старого платья», оказавшимися в адмиралтейских мундирных «магазейнах». Мундирная контора старалась удовлетворить насущные потребности матросов и солдат морской пехоты в соответствующих «припасах», однако разного рода обстоятельства не всегда этому способствовали. К ним можно отнести не совсем удачные подряды, которые делали предметы обмундирования слишком дорогими; поэтому приходилось искать более сговорчивых «торговых людей», чтобы сделать цену обмундирования более приемлемой. Кроме того, проблемы с транспортировкой «на места» тех же кафтанов или бострочков решались просто нерадиво. Вахтеры и «школьники» Мундирной конторы нередко ошибались, намеренно или случайно, в ведении учета имевшегося в наличии сукна (или готовых мундиров). Документы составлялись подчас небрежно, – отсюда и неразбериха в том, что и куда необходимо доставить с «поспешением». Немногим лучше выглядело делопроизводство Конторы генерал-кригс-комиссара, которая также страдала характерными недугами русской бюрократии того времени.

Еще один важный момент, связанный с пошивом флотской форменной одежды, заключался в низкой квалификации портных, среди которых было немало матросов и унтеров. Дело доходило до того, что в числе отобранных для мундирного «стро-

ения» оказывались люди, не имевшие представления о работе с иглой и ниткой, и их приходилось учить азам, а чаще отправлять обратно «по месту службы».

Сохранившиеся бумаги Мундирной и Подрядной контор, а также комиссариатских структур, после утвержденной мундирной Табели 1732 г., свидетельствуют, что номенклатура заказов на готовое платье мало чем отличалась от петровских времен. Во-первых, использовали тот же ассортимент материалов – тик, канифас, сермягу, кафтанное сукно и пр. Во-вторых, во многом сохранялась и структура форменного комплекта матросов и нижних чинов. Кроме того, система заключения подрядов, обязательность их исполнения оставалась на прежнем уровне. Вместе с тем во флотском мундирном обиходе появились отдельные предметы, которые ранее в нем не встречались.

Выше отмечалось, что уставные документы, определяющие форменный облик «морских служителей», нередко расходились с повседневностью. Такие расхождения, в свою очередь, фиксировались в делопроизводстве особого свойства, но уже других структур. Причем данная информация может показать неизвестные или малознакомые стороны флотского мундирного строительства, что было характерно, в основном, для первой половины XVIII в.

К подобного рода источникам можно, например, отнести сведения об одежде, предназначенной для находившихся в госпитале больных матросов, или оставшейся там от скончавшихся. Эти мундирные табели отложились в ф. 95 (Коллекции материалов по истории флота) Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, которые к исследованию морских мундиров еще не привлекались. Речь, правда, идет не обо всех служивших на флоте, а только о «галерных служителях». В связи с этим необходимо отметить, что основное внимание еще со времен Петра уделялось корабельному флоту, а не галерному (который, правда, с началом русско-турецкой войны 1735–1739 гг. стали реанимировать, однако в первые годы работы Военской морской комиссии на строительство линейных кораблей тратилось средств неизмеримо больше). Кроме того, не стоит забывать, что на галерах служило много солдат, прибывших и еще формально состоявших в различных морских и армейских частях, причем прибывали они нередко в своих мундирах, что придавало дополнитель-

ный живописный эффект облику «морских служителей». Однако в этой пестроте встречались и характерные только для того времени отдельные форменные новации, тогда как в корабельном флоте старались по возможности реализовать положения флотских регламентов относительно построения мундирного платья, хотя и там имелось много издержек организации флотского управления.

Данные об этих мундирах поступали из госпиталей по требованию различных заинтересованных структур адмиралтейского ведомства. Туда для «приемки и посылки мундира» определяли «наряд» из нескольких рядовых во главе с сержантом. По прибытии на место эти чины должны были сверить имеющиеся у них или в госпитале «мундирные припасы» с соответствующей документацией, представленной администрацией госпиталя. Именно эти бумаги и представляют не то, как должны быть одеты флотские чины (рядовые прежде всего), а реальный их гардероб.

Надо сказать, что от уставных положений он временами заметно отличался, что объяснялось, помимо всего прочего, тем, что больному могли посылать все, что, так сказать, находилось под рукой, не особенно беспокоясь о соблюдении табельных норм – однако это только одна из возможных причин, не более.

Например, находившемуся в ревельском морском госпитале матросу 2 статьи 1 дивизии галерного флота Ивану Митрофанову привезли канифасный кафтан на сермяжной подкладке, тиковый камзол, пестродлинные рубахи и порты белые, белые чулки, сапоги, штаны канифасные, рукавицы и суконную шапку зеленого цвета [1, л. 15]. Обращает на себя внимание наличие камзола, сапог, а также шапки, о которых не говорится в Табели 1732 г., тем более что речь идет уже о ноябре 1733 г.

В тот же госпиталь и в то же время матросу 1 статьи 2 дивизии Алексею Никитину доставили канифасный кафтан на сермяжной подкладке, камзол красного сукна, штаны «козловые», белые чулки, башмаки, а также васьковскую шапку с черным околышем [1, л. 10]. Среди посланных вещей выделяются красный кафтан и шапка с цветным околышем, которые, вероятно, являлись знаками различия матросских команд (рот) галерных дивизий и о которых также не говорилось в уставных документах.

Подтверждением этому может служить и то, что в госпиталь доставлялись помимо перечисленных мундирных «припасов»

Слева направо:
 матрос 1-й статьи 2-й дивизии галерного флота;
 матрос 2-й статьи 1-й дивизии галерного флота;
 юнга галерного флота;
 матрос 2-й статьи 2-й дивизии галерного флота.
 1733 г. Рис. В.Ф. Мезенцева

28 | чулки серого цвета и коричневые шапки с черным околышем [1, л. 20].

Кадет 3 роты Иван Племянников стал обладателем красной шапки с тем же черным околышем, а юнге Ивану Мельникову прислали красную шапку с черным околышем, рукавицы бараньи, башмаки с пряжками, чулки василькового цвета, шубу баранью [1, л. 45].

Матрос 2 статьи Дмитрий Петров оказался в госпитале, имея с собой кроме канифасных кафтана и камзола, белых чулок еще и коричневую шапку без околыша, что свидетельствует о том, что оформлению головного убора с точки зрения мундирного «признака» придавали серьезное значение.

Встречались мундирные комплекты и вовсе своеобразные: матросу 1 статьи Степану Тимофееву вместе с канифасным кафтаном и тиковым бостроком выдали штаны красного сукна, которые никак не предусматривались в гардеробе нижних чинов и матросов в связи с изменениями вещевого довольствия 1732 г. [1, л. 62]. В равной степени это касается и одежды матроса 2 статьи 2 дивизии Василия Васильева, которому при соблюдении всех учрежденных норм, включая матросскую вязанную шляпу, определили упоминаемый выше камзол красного сукна [1, л. 48].

Список литературы:

- [1] Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук. Ф. 95. Оп. 1. Д. 7.
- [2] Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Русский морской мундир. 1696–1917 гг. – СПб.: АТЛАНТ, 2008. – 432 с.
- [3] Полное собрание законов Российской Империи. Часть первая. Морские штаты. – СПб., 1830.

Перечисленные примеры со всей очевидностью свидетельствуют, что достаточно живописный облик галерных матросов во многом объясняется упомянутыми выше причинами экономического и организационного порядка. Нельзя сказать, что в 40–50-е гг. в вещевом снабжении на флоте был наведен должный порядок – и при Елизавете Петровне до этого было и впрямь далеко – однако такого «парада» мундиров, как при Петре Великом и его ближайших преемниках не было. В известной мере эти проблемы были решены в армии, что же касается флота – то, прежде всего, строили и снабжали корабли и суда, а всему остальному уделяли внимание совершенно недостаточное. В целом такое положение привело к не очень действенным изменениям в системе практического обеспечения личного состава морских частей мундирным довольствием и известной «анархии» в форменном платье некоторых чинов в указанный период. С другой стороны, изучение госпитальных вещевых табелей позволяет заметить определенные новации во флотском гардеробе (оформление головных уборов и их разнообразие) времен Анны Иоанновны, представить реальный облик ее «морских служителей», а также особенности работы военно-морских интендантских структур.